Сентябрь 1881 г. Цѣна 25 коп.

№ 4.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ

ОРГАНЪ СОЦІАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

С.-Петербургъ, 5 Сентября.

В эпохи непосредственно до-революціонныя, когда народ крайне возбужден, воспріимчив, когда дѣятельность революціонеров становится наиболѣе интенсивной, напряженной, в высшей степени важно, чтобы она велась по одному общему плану. В такіе моменты партія в весьма незначительный промежуток времени может создать то, что ей при иных условіях, не сдѣлать и в нѣсколько лѣт.

Цѣлый ряд теоретических соображеній, высказанных нами в прошлый раз, событія послѣдняго времени на югѣ вполнѣ убѣждают нас в той мысли, что Россія в настоящее время находится именно в таком положеніи. Пока еще есть время, пока мы еще не охвачены громадным, разрушительным потоком народнаго стихійнаго бунта, революціонеры должны позаботиться о том, чтобы народная кровь, имѣющая пролиться в борьбѣ, пролилась бы не даром. Поэтому, об'единеніе, сплоченіе под одним знаменем возможно большаго количества революціонных сил, сосредоточеніе главнаго контингента их на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ является для партіи дѣлом первостепенной важности. Так как одним из необходимѣйших условій сплоченія революціонных сил является единство в теоретической и практической постановкѣ революціоннаго дѣла в Россіи, то мы, с своей стороны, считаем необходимым по возможности доказательнѣе, опредѣленнѣе и яснѣе выставить тѣ условія, которыя, по нашему искреннему убѣжденію,

необходимы для полной и окончательной ликвидаціи современнаго государственнаго порядка, и тот наивыгоднѣйшій наискорѣйшій путь, который ведет к созданію этих необходимых условій.

Тѣсная и неразрывная связь между государством и обществом не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Государство, будучи само по себѣ понятіем отвлеченным, абстракціей, для своего реальнаго существованія должно пріобрѣсти тѣло и дух, воплотиться, через общество, в конкретных личностях. Но общество, в широком смыслѣ этого слова, до сих пор еще не представляет собою совокупности людей, связанных единством интересов,—напротив, основные интересы различных общественных групп прямо противоположны между собой. Эта рознь интересов имѣет своим слѣдствіем борьбу различных общественных групп, при чем побѣдительницей остается та из них, которая обладает в данный момент наибольшей фактической силой. В конкретных-то личностях этой побѣдоносной группы, устанавливающих извѣстныя, обязательныя для всего общества нормы, узаконяющія ея господство, и воплощается само государство. Поэтому, раз идет рѣчь о насильственном измѣненіи государственнаго порядка, то наличіе стихійной, разрушающей силы и силы сознательной, которая, дав извѣстное направленіе стихійному движенію, устранив старый порядок, захватила бы в свои руки весь государственный организм страны и установила бы новыя обязательныя нормы,—безусловно необходимо. Обратимся теперь в частности к соціалистическому перевороту и посмотрим при наличіи каких условій и каким именно образом возможно его осуществить.

Ни военный переворот, ни дворцовая революція не в состояніи осуществить идеи трудоваго соціализма. Только путем побѣдоносной народной революціи и может совершиться дѣло народнаго освобожденія! Само собою разумѣется, что народная революція может явиться лишь результатом цѣлаго ряда исторических, экономических и политических условій, внѣ их она немыслима, «сдѣлать» ревлюціи нельзя. Но революціонная партія, существованіе которой также обусловливается извѣстными жизненными отношеніями, которая также является продуктом всей предшествовавшей исторіи, как один из жизненных факторов, сама по себѣ способна так или иначе вліять на ход

и направленіе общественной жизни. Поэтому, революціонная партія на ряду с другими факторами, толкающими народ на революціонный путь, возбуждая, революціонизируя народныя массы, может своими собственными усиліями нѣсколько приблизить момент народной революціи. Но, как мы уже раньше сказали, для переворота вообще [2] одной стихійной силы еще недостаточно, необходимо организованное, сознательное меньшинство. Из каких же элементов должно состоять оно, когда идет дѣло об освобожденіи народа? Интеллигенція, имущественные классы вообще, никогда не будут в состояніи выдѣлить из себя такого количества сознательных соціалистов-революціонеров, которое безусловно необходимо для фактическаго осуществленія соціальной революціи. Основные интересы народа и всѣх прочих общественных групп в корнѣ расходятся между собой; громадное, подавляющее большинство из них не за народ, а против него. Надѣяться составить многочисленную соціально-революціонную партію из интеллигенціи невозможно,—это иллюзія, это значит задаваться задачей перевоспитанія цѣлых поколѣній. Взять эту задачу на себя партія никоим образом не должна, она должна обратиться к своему непосредственному, жизненному источнику,—народу. Только сам народ и может освободить себя, т. е., только он может поставить в ряды революціонной партіи тѣ, весьма значительныя, сознательныя и боевыя силы, которыя необходимы для успѣшнаго исхода дѣла народнаго освобожденія.

И так, наличіе многочисленной соціально-революціонной партіи и обширное стихійное народное движеніе являются одинаково необходимыми условіями для осуществленія соціальнаго переворота. Помимо этих условій, самый план переворота также имѣет весьма важное значеніе для того или иного исхода народной революціи. Весьма и весьма поучительный примѣр в этом отношеніи представляет нам собою исторія Парижской Коммуны 1871 г.

Самой главной и основной ошибкой руководителей Коммуны, которая фатально и привела их к погибели, заключалась в том, что они надѣялись совершить освобожденіе пролетаріата путем политической революціи. Так как термин «политика» употребляется в весьма различных, часто противоположных друг

другу смыслах, то мы считаем не лишним выяснить, как мы его понимаем и в каком значеніи его будем употреблять. Весьма многіе самым характерным, опредѣляющим признаком «политическаго» пути считают насильственный захват власти в руки организованной партіи. По нашему мнѣнію это невѣрно. Захват власти является общим признаком всякой революціи вообще; как при политической революйіи, так и при соціальной захват власти должен произойти во всяком случаѣ. Коренное различіе их между собой состоит в том, что при соціальной революціи экономическій и политическій переворот совершаются путем революціонным, новый политическій строй создается уже при существованіи новых экономических отнпшеній; при политической же насильственным путем совершается лишь реорганизація политических форм государственной жизни, прежнія экономическія отношенія продолжают существовать по прежнему и имѣют быть измѣненными путем законодательной власти вновь сформировавшагося правительства. Возвратимся к Коммунѣ. Мы уже сказали, что Коммуна, вступив на путь политической революціи, не могла разрубить гордіева узла, которым по рукам и ногам связано все человѣчество в теченіи нѣсколькихъ сот лѣт. Да, и в самом дѣлѣ, развѣ возможно тогда, когда одновременно существуют «слуга» и «хозяин», когда громадныя матеріальныя богатства находятся в руках буржуазіи, что дает ей громадное преимущество при избирательной агитаціи пред народом, которыя фактически не дозволяют проявиться дѣйствительно народной волѣ, развѣ возможно, повторяем, при таких условіях составить Законодательное Собраніе, которое экспропріировало бы экспропріирующих? Нѣт, нѣт и тысячу раз нѣт! Только уравняв вчерашняго господина с его бывшим наемником, сдѣлав их фактически равноправными, т. е., совершив экономическій переворот путем революціонным, народ и может дѣйствительно осуществить революцію пролетаріата. Коммуна поступила не так, и потому пала.

Предрѣшать вопрос о том кому именно будет принадлежать иниціатива революціи, партіи или народу, мы не станем. Мы скажем только, что если партія популярна в народѣ, заняла удобныя и многочисленныя позиціи среди крестьянства и городских рабочих, вполнѣ может разсчитывать на поддержку масс,

одним словом, если надежда на успѣх революціи весьма значительна, то партіи нѣт надобности ждать народнаго движенія, она должна пойти на встрѣчу ему, она смѣло должна поднять знамя соціальной революціи!

Таковы наши принципіальныя положенія. Опредѣлим теперь задачи подготовительной работы партіи.

В прошлом номерѣ мы указали на всю необходимость организаціонной работы среди народных масс, как в городѣ, так и в деревнѣ, выяснили крайнюю настоятельность созданія дѣйствительно народной партіи. Но организаціонная и, тѣсно связанная с ней, пропагаторская и агитаціонная дѣятельность могут вестись успѣшно лишь в том случаѣ, когда партія ведет упорную, непрерывную и систематическую активную борьбу за дѣло народнаго освобожденія. Боевая дѣятельность партіи,— это необходимое условіе ея жизненности; внѣ борьбы партія обречена на безжизненность и безсиліе! Только путем борьбы партія и может пріобрѣсти симпатіи народных масс, революціонизировать их, наконец, привлечь значителное количество новых сил, в которыв так нуждается партія в настоящее время! Партія должна подать народу иниціативу борьбы! Но для того, чтобы борьба принесла такіе результаты, необходимо, чтобы она велась на почвѣ сознанных народом интересов. Только тогда народ будет симпатизировать нам, только тогда он выдвинет лучших людей своих в ряды революціонной партіи, когда ему будут вполнѣ понятны мотивы этой борьбы, когда он в революціонерах будет видѣть лю[3]дей, крѣпко отстаивающих его интересы. Таким образом, форма борьбы необходимо должна быть приспособлена к тому, чтобы народ вполнѣ мог бы понять ея непосредственныя цѣли и, таким образом, мог бы узнать, что люди, ведущіе эту борьбу—его искренніе друзья.

Тѣ или иныя условія государственной жизни страны также в значительной степени опредѣляют собой характер борьбы. В россійском государствѣ при положительном отсутствіи каких либо легальных форм борьбы, эта послѣдняя почти цѣликом должна вестись на нелегальной почвѣ. Кромѣ того, она зависит и от наличных сил партіи. Партія, выбрав, быть может, и наиболѣе цѣлесообразную форму борьбы, но несоотвѣтствующую ея силам, много превышающую их, рискует через это ослабѣть

и тѣм может нѣсколько затормозить успѣшный ход революціонnаго дѣла.

Наиболѣе цѣлесообразной, наиболѣе соотвѣтствующей наличным силам партіи, формой борьбы, которая при этом открывает широкій простор для проявленія личной иниціативы, является, по нашему мнѣнію, организованный, систематическій фабричный и аграрный террор. Слово «система» не слѣдует понимать в данном случае таким образом, что каждый фабрикант, мастер, становой и помѣщик должны безусловно подлежать уничтоженію. Народ в своем цѣлом в высшей степени нравствен. Для того, чтобы он не отнесся с презрѣніем к людям совершившим факт убійства, а, напротив, симпатизировал им, видѣл в них своих друзей,—необходимо, чтобы убійство имѣло за собой весьма основательныя причины. Опредѣлить болѣе или менѣе точно какова должна быть эта степень виновности, конечно, нельзя; никоим образом, только не слѣдует довѣряться своему личному, суб'ективному взгляду, так как он иногда может быть пристрастным. Необходимо до совершенія факта прислушаться к непосредственному мнѣнію самого народа, только «народный глас» может явиться, в данном случаѣ, самым лучшим показателем того, нужно ли убійство, или болѣе мягкая форма террора. Имѣя в виду воздѣйствовать путем террора на народ, партія постоянно должна соображаться с тѣм вѣроятным впечатлѣніем, которое произведет на него каждый данный факт, в противном случаѣ могут получиться результаты как раз обратные желаемым. Это необходимо особенно запомнить. Посмотрим теперь, насколько цѣлесообразна рекомендуемая нами форма борьбы.

Успѣшная, организованная, систематическая борьба в формѣ фабричнаго и аграрнаго террора, самым фактом своего существованія доказывая народу, что протест против непомѣрнаго гнета извѣстных общественных отношеній вполнѣ возможен, будет мало по малу пробуждать в народѣ чувство собственнаго достоинства. Революціонизируя народныя массы, фабричный и аграрный террор указывает вмѣстѣ с тѣм каждому протестанту и конкретную, вполнѣ понятную ему, форму борьбы, чрез что и выдвигает лучших людей из народа на путь активной борьбы. Вовлекая народ на борьбу, подымая в нем, таким образом, увѣренность в его собственных силах, мы тѣм самым наносим

смертельный удар и горькому заблужденію народа, мы в корнѣ подрываем, еще существующую в нем, вѣру в царя. Народ надѣется на царя, вообще на какую-то внѣшнюю силу, хотя бы в лицѣ китайскаго императора, потому только, что не вѣрит в самого себя. Понятно, что вмѣстѣ с ростом увѣренности в свои силы ложный кумир будет терять и терять свое прежнее значеніе, пока, наконец, не слетит с пьедестала, на который возвела его народная мысль. Подобные факты, совершаемые от имени соціально-революціонной партіи, доводимые до свѣденія народа путем прокламацій, выясняющих смысл и значеніе подобнаго рода борьбы, способны создать и упрочить среди народа громкую популярность для революціонной партіи. Мы в данном случаѣ укажем на ту популярность и пособничество среди народа, которыми пользуются в Ирландіи многочисленныя аграрныя, боевыя дружины.

Иныя формы боевой дѣятельности на почвѣ сознанных народом интересов, как, напр., стачки, бунты и проч. являются как бы выжидательными, между тѣм как партія необходимо должна возможно больше активно проявлять себя. Стачки, бунты не зависят лишь от желанія партіи, для существованія их необходимы извѣстныя условія, которых весьма легко может и не быть в данное время. Мы, конечно не отрицаем значенія их и, раз, партія может проявить себя подобной борьбой, она обязана это сдѣлать,—мы только указываем, что при существующих условіях государственной и общественной жизни фабричный и аграрный террор должен занимать в ряду других пріемов боевой дѣятельности первенствующее мѣсто. Сама жизнь к тому же толкает народ на такую борьбу; народ самостоятельно, помимо всяких воздѣйствій со стороны революціонеров, сплошь и рядом практикует фабричный и аграрный террор. Дѣло только в том, что, будучи не организованным, он теряет значительную часть своей пользы. Для того, чтобы эта борьба принесла желательные нам результаты, необходимо увеличить ея размѣры, с'организовать и систематизировать ее. В этом то и заключается одна из важнѣйших, практических задач революціонной партіи.

Обратимся теперь к возрѣніям партіи «Народной Воли». Мы будем руководствоваться при этом исключительно послѣдними изданіями (Н. В. №№ 4, 5, программа рабочих членов

партіи «Н. В.»), так как между ними и первыми существует довольно значительное теоретическое разногласіе.

Условія, необходимыя для совершенія соціальнаго переворота у партіи «Народной Воли», сводятся к двум главнѣйшим. Стихійная народная революція одной стороны, — с другой, сильная соціально-революціонная партія, и являются, по мнѣнію партіи, этими необходимыми условіями.

Но, указывая на необходимость созданія организованной, сознательной силы, партія «Народной Воли» полагает, что она должна быть «внѣшней».

«Соціально-революціонная партія должна выполнить «свою историческую миссію, стать той внѣшней силой, «в которой народ так нуждается.» (Н. В., № 5, страница 76-я.)

Что именно подразумѣвает партія под выраженіем «внѣшняя сила»,—она этого не опредѣляет. Хочет ли она этим указать, что немыслимо организовать в боевую партію всей массы народа, или же, что партія по преимуществу должна состоять из интеллигенціи,—неизвѣстно. Хотя, насколько возможно судить по нѣкоторым другим мѣстам «Народной Воли», по мнѣнію партіи, только народ может доставить необходимый ей контингент членов для реализаціи соціальнаго переворота.

«Одна лишь соціально-революціонная партія, прочно «укрѣпившись среди городского и фабричнаго населенія и заняв «удобныя и многочисленныя позиціи в крестьянствѣ может «послужить тѣм ферментом, который необходим для возбужденія «городскаго и деревенского населенія». (Ibid.)

Между тѣм, рѣзкая и опредѣленная постановка вопроса о значеніи народа при осуществленіи соціалистическаго переворота необходима, так как ею то и опредѣляется, главным образом, центр тяжести практической дѣятельности партіи. В самом дѣлѣ, если было бы возможно совершить соціальную революцію при помощи «побѣдоноснаго», стихійного народнаго движенія с участіем сознательнаго меньшинства из интеллигенціи, то к чему же какая-то организація народных сил и проч. Вѣдь среди извѣстной части интеллигенціи дѣятельность партіи будет наиболѣе успѣшной и плодотворной, чѣм среди народа. На ней, в таком случаѣ, и слѣдует партіи сосредоточить свои главныя

силы; дѣйствуя в народѣ, она будет непроизводительно тратить свои силы.

План переворота по убѣжденію партіи «Народнй Воли» таков: захват центральной власти в руки Временнаго Правительства, немедленное осуществленіе при непосредственном участіи народных масс экономическаго переворота и, уже по совершеніи его, организація новой, выборной, народной правительственной власти. Это, так сказать, план для обыкновеннаго времени, когда народ проявит хотя бы искру жизни, примет активное участіе в переворотѣ. В противном случаѣ Временное Правительство декретирует новый экономическій и политическій строй (Н. В. стр. 63, 76).

Таким образом план переворота почти тождествен с предлагаемым нами. Разница только в том, что мы не вѣрим в возможность фактическаго осуществленія соціальнаго переворота исключительно при помощи узурпаторскаго правительства, так как создать путем декретов и предписаній новый строй, в корнѣ расходящійся с прежним, по нашему мнѣнію, нельзя. Понятно, что если бы представился какой нибудь удобный случай для захвата власти с весьма ограниченными силами партіи, помимо сознательнаго участія народных сил, то партія обязана, хотя бы только на бумагѣ, совершить экономическій переворот. Подобный факт имѣет громадное воспитательное значеніе; так или иначе, старый порядок будет потрясен в самом своем основаніи,—а это пройти безслѣдно никоим образом не может,—но и только, так как при этих условіях Временное Правительство просуществовать долго не будет в состояніи, власть снова перейдет в руки имущественных классов, и фактически переворот не осуществится.

В «Программѣ рабочих членов партіи Н. В.» план поставлен еще опредѣленнѣе, в таком именно видѣ, в каком и слѣдует его постоянно пропагандировать, к осуществленію к-о партія необходимо должна стремиться. Понятно, что в самый момент переворота могут существовать такія условія, которыя насильственным образом заставят партію отказаться от выполненія такого плана, но теоретическая постановка его должна быть именно такова, только один он и гарантирует собой прочное осуществленіе соціальной революціи.

*

«Когда востаніе одержит побѣду по всѣй странѣ, когда «земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа..., тогда не- «медленно народ посылает своих представителей (в Союзное «Правительство) Учредительное Собраніе» (Прогр. раб.).

Но дѣло в том, что в прокламаціи «Комитета Народной Воли» от 24 августа 1881 года «к русскому рабочему народу» предлагает совершенно иной план переворота, такой же, как и в программѣ Исполнительнаго Комитета: «Мы рѣшили поэтому поднять бунт по всей Россіи и теперешнее правительство низвергнуть, а на мѣсто его *устроить другое из выборных* от крестьян, от рабочих, от всего народа. *И новое правительство должно будет сейчас принять меры, чтобы надѣлить крестьян землей, а фабрики и заводы отдать рабочим артелям*». Этот путь—путь политической революціи, программа рабочих выставляет экономическую революцію;—за чѣм слѣдует остановиться, этого мы опять таки не знаем.

И так оказывается, что теоретическая постановка революціоннаго дѣла у партіи «Народной Воли» нѣсколько неопредѣленна. Очень может быть, конечно, что оно является таковой, потому что партія не успѣла еще достаточно обстоятельно раз'яснить свою программу, привести в связь и единство ея отдѣльныя части, но так или иначе она всетаки существует. Мы сочли необходимым указать на эту неопредѣленность в силу того обстоятельства, что эта послѣдняя, при довольно значительной спутанности соціально-революціонных понятій в Россіи вообще, в свою очередь еще болѣе затемняет их.

Переходим теперь к практической дѣятельности партіи «Народной Воли».

«Процесс разложенія существующей политической системы фатально совпадает с процессом экономическаго обнищанія народа, прогрессивно увеличивающимся с каждым годом, и разрушеніе современнаго политическаго строя путем побѣдоноснаго народнаго движенія повлекло бы за собой также разрушеніе того экономическаго порядка, который неразрывно связан с существующим государством.»

«Поэтому мы думаем, что политическая борьба с государством для нашей партіи является не посторонним элементом в нашей соціалистической дѣятельности, а напротив, могущественным

средством приблизить экономическій (или по крайней мѣрѣ аграрный) переворот и сдѣлать его возможно болѣе глубоким, т. е., средством осуществить в жизни часть нашей программы». (Н. В., № 5, стр. 75).

Мы не понимаем доподлинно, желет ли партія указать этим на извѣстное значеніе замѣны деспотическаго управленія конституціонным, или же полагает, что замѣна эта является первым, необходимым шагом по тернистому пути народнаго освобожденія. Мы сами признаем не малое значеніе за устраненіем деспотизма, давящяго своими желѣзными, хищными лапами русскую жизнь во всѣх ея свѣтлых проявленіях; мы прекрасно понимаем, что с измѣненіем существующаго политическаго строя тѣсно связан цѣлый ряд, конечно, не коренных, не принціальных, но все таки довольно серьезных экономических реформ, тѣм не менѣе, мы глубоко убѣждены, что революціоннгя партія, поставив в настоящее время вопрос о конституціи на первый план, оказалось бы много ниже своего призванія. Глубокій, коренной разлад народнаго міросозерцанія с существующим государственным порядком, революціонное настроеніе народных масс,—все это заставляет партію ставить себѣ практическую задачу несравненно обширнѣе конституціи (хотя бы даже, так называемаго, «самодержавія народа»).

Но, быть может, та форма борьбы против политическаго деспотизма, которая рекомендуется и практиковалась в теченіи послѣдних двух лѣт партіей «Народная Воля», т. е., организованный политическій террор, фатально добивая наше вѣнценосное чудовище, является таким универсальным средством борьбы, что, в свою очередь, способствует увеличенію и росту сил партіи, разрушает в народѣ гибельную для него идею царизма, революціонизирует его, наконец, пробуждает в нем вѣру в его собственныя силы, т. е., как раз ведет к созданію тѣх условій, которыя необходимы для соціальнаго переворота. Партія «Народная Воля» дѣйствительно так и аргументирует цѣлесообразность своего пріема борьбы. Посмотрим дѣйствительно ли это так, хотя нам, к сожалѣнію, по недостатку мѣста придется на этот раз быть краткими.

Так как политическій террор, как система, до настоящаго времени не практиковался еще ни одной революціонной партіей,

то, понятно, что оцѣнка этого пріема борьбы может быть почти исключительно теоретической.

Самым главным из аргументов, приводимых в защиту политическаго террора, является способность его пробуждать в народѣ вѣру в свои силы. По мнѣнію партіи «Народная Воля» факт открытой борьбы с русским государством сам по себѣ способен побудить народ выступить на путь активной борьбы. Мы, с своей стороны, убѣждены в том, что только путем сознательной, активной борьбы самого народа и может пробудиться в нем увѣренность в своих силах. Всякій, болѣе или менѣе работавшій среди народа, как в городѣ, так и в деревнѣ, может засвидѣтельствовать, что протестующих элементов в нем весьма значительное количество, необходимо только подать инициативу борьбы. Но для того, чтобы факт борьбы послужил народу примѣром, дал-бы толчек сознательному проявленію народнаго недовольства, он необходимо должен быть понятен народу, цѣлесообразен, по его мнѣнію, указывать ему на извѣстную конкретную и легко осуществимую форму ея. Сам же по себѣ факт политическаго террора в громадном большинствѣ случаев не понятен народу, он никоим образом не в состояніи отвлеченно оцѣнить всю важность и значеніе его, наконец, он не указывает народу такой формы борьбы, которую он мог-бы повести самостоятельно. Нѣт сомнѣнія, конечно, что факт цареубійства, подобный 1 марта, создает громадное умственное движеніе, так или иначе возбуждает народ,—расчищает почву для организаціонной, пропагаторской и агитаціонной дѣятельности, он на ряду с другими жизненными явленіями, способствует разрушенію в народѣ идеи царизма (не подрывая вообще вѣры в авторитет), чрез что и подымает мало-по-малу в нем дух протеста, увѣренность в своих силах. Но это путь медленный, только направляя удары в самый «центр», устраняя причину подобнаго явленія, и можно с корнем вырвать из народнаго міросозерцанія слѣпую веру в авторитет всякой вообще внѣшней силы.

Признавая таким образом за политическим террором весьма значительную пользу, мы, тѣм не менѣе, убѣждены, что выставлять его, в особенности как цѣль, на первостепенный план совершенно не слѣдует. Необходиао позаботиться теперь о том, чтобы дать извѣстное направленіе уже народившимся протестующим элементам, подать им инициативу борьбы, связать и об'единить их в крѣпкую и стройную организацію. Только таким путем и можно подойти к скорому разрѣшенію соціальнаго вопроса! На этот путь мы и призываем революціонныя силы!!

[6] 1-ое МАРТА 1881 ГОДА.

Русское правительство рѣзко отличается от государств западно-европейских, как по той роли, которую оно играло в исторической жизни русскаго народа, так и по своей внутренней природѣ. Всѣ государства Западной Европы, при первом своем возникновеніи, уже встрѣчали готовыя, сложившіяся в крѣпкія организаціи, общественныя группы, обладавшія сознаніем особности своих интересов и привычкой единодушными дѣйствіями отстаивать свои права. Буйное феодальное дворянство, не признававшее над собой никакой власти, городскія общины, эти средневѣковые города-государства, наслаждавшіеся полной независимостью за крѣпкими стѣнами своих бургов, многочисленное духовенство, проникнутое сознаніем первенствующаго значенія церкви над всякой свѣтской властью и сильное своими громадными богатствами и духовным вліяніем на массы—вот тѣ могучія общественныя силы, с которыми волей-неволей пришлось серьезно считаться нарождавшейся у западных народов центральной государственной власти. С конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія сюда прибавилась еще одна, не менѣе серьезная, сила—народ, сформировавшійся в четвертое сословіе, которое также потребовало вниманія и уваженія к своим интересам и правам. Западно-европейское государство развивалось в упорной и непрерывной борьбѣ с этими общественными элементами, испытывая могучее и неотразимое воздѣйствіе с их стороны. Центр тяжести всей системы общественнаго и государственнаго устройства у западных народов никогда не сосредоточивался исключительно в бюрократическом сословіи, с монархом во главѣ. Поэтому на организаціи западно-европейских государств, на характерѣ задач и цѣлей, которыя онѣ преслѣдовали, всегда отражались интересы и тенденціи того сословія, которое в данный момент овладѣвало кормилом правленія. В на-

стоящее же время правительства их представляют собой ничто иное, как коммиссію уполномоченных от буржуазіи, и вся их организація соотвѣтствует характеру и тенденціям этого класса, как они выработались исторически. Монарх является, там лишь главой исполнительной власти, выразителем національнаго единства, представителем государства в международных отношеніях.

Нѣчто иное представляет нам исторія Россіи. Здѣсь мы не замѣчаем между народом и царской властью сколько нибудь силных посредствующих элементов. Только один народ оказывал серьезное сопротивленіе централизаціонным стремленіям московских деспотов. О каких либо других общественных группах нечего и говорить: они почти не существовали. Московское правительство по своему усмотрѣнію создавало, выкраивало и уничтожало различныя сословія на Руси. Само оно с своими многочисленными воеводами и массой приказных всякаго рода было главнѣйшим эксплуататором народа, из среды его служащих людей пополнялся главнѣйшим образом контингент прочих слоев населенія, враждебных трудящейся массѣ. Подавленіе народа, эксплуатація его прав в области экономической и политической, низведеніе его на степень рабочей скотины,—все это совершено у нас не дворянством, буржуазіей или духовенством, а центральной государственной властью или же при ближайшем ея содѣйствіи. Это значеніе не утрачено ею и впослѣдствіи. Русское государство и до настоящаго времени представляет собою іерархическую организацію, с своими самостоятельными интересами и задачами, существующую собственными силами, не имѣя ни малѣйшей нужды в поддержкѣ со стороны какого либо сословія. Централизація и абсолютизм — вот ея руководящіе принципы, жизненныя начала, которыми она проникнута снизу до верху. Неограниченный монарх, недосягаемый для простого смертнаго, этот божій помазанник, земное могущество котораго сравнивается с всемогуществом бога на небѣ, стоит во главѣ всего государственнаго механизма, котораго мельчайшія части и дѣйствія являются эманаціей Его Величества. Это узел, в котором переплетаются всѣ нити и цѣпи русскаго деспотизма. Наше императорское центральное правительство всюду имѣет своих многочисленных агентов. Монаршая лапа чувствуется

во всѣх уголках русской жизни и вездѣ усиленно старается задавить какие бы то ни было зачатки общественной самостоятельности: земское самоуправленіе парализуется посредством губернаторов, крестьянское—посредством непремѣнных членов и становых и т. д., во всѣх наших учрежденіях господствует произвол и усмотрѣніе единичной личности (истаго начальства), которая получила свой полномочія посредственно или непосредственно от самодержавной власти и облечена особым довѣріем монарха. Народ отягощается произвольными налогами и податями, его достояніе расхищается алчными эксплуататорами. Полицейская опека подавляет и уничтожает всякій частный почин. Права личности безнаказанно попираются ногами любого чиновнаго проходимца. Печать скована тяжелыми цѣпями. Шпіонство и подкупы развращают народную нравственность. Тюрьмы вѣчно переполнены политическими преступниками... Отправленіе правосудія монополизировано дирижирующими классами, и является покорнѣйшим слугою на пользу всей чудовищной системы. И все это творится от имени верховной власти, все это получает высочайшую санкцію. Так пусть же обладатель самодержавной власти и несет во всей полнотѣ отвѣтственность за то, что сам творит, и за то, что творится с его разрѣшенія и под его покровом. Кто осмѣлится осуждать распоряженія и дѣйствія правительства, кто откажится протестовать против его произвола и неправды, когда за это грозит зачисленіе в категорію бунтовщиков и оскорбителей его величества, со всѣми юридическими и неюридическими послѣдствіями этих титулов! Абсолютизм не только не терпит ни малѣйших неодобрительных отзывов о себѣ, но вообще не выносит никакого общественнаго мнѣнія, безотносительно к его содержнію. Какое ему дѣло до того, любит-ли его народ или ненавидит. Он знает только самого себя, его воля—единственный для него закон, и он требует, чтобы и другіе признали то же самое.

Едвали можно придумать лучшую систему для того, чтобы убить в народѣ всякое правовое чувство и всякую нравственную силу и таким образом обезпечить существованіе деспотизма. Результат соотвѣтствует приложенным средствам. Повсюду мы видим полнѣйшій индифферентизм к общественным дѣлам, повальное холопство и безправіе, всеобщую спячку. Лишь

изрѣдка слышатся робкіе голоса протеста. Всѣм извѣстны тѣ страшныя гоненія, которыя посыпались на русскую революціонную партію, когда она хотѣла даже вполнѣ мирными средствами вліять на современный порядок в смыслѣ его улучшенія. Но трусость и рабство одних поддерживают и питают произвол и беззаконіе других. Отвѣтственность за настоящее положеніе вещей падает не только на тѣх, которые попирают права народа, но и на тѣх, кто не имѣет мужества охранять их. Кто удаляется с поля битвы, тот измѣнник общему дѣлу: он [7] ослабляет силы защитников того дѣла, за которое сам должен бороться, распространяет унынie, подрывает вѣру в побѣнодосную силу знамени. Сильное, энергическое, правовое чувство, увѣренность в своих верховных правах и готовность защищать их с оружіем в руках до послѣдней крайности—вот в чем сила народа. Если народ наш обладает этим качеством, тогда нечего опасаться за его будущее, за его свободу и счастье. В содѣйствіе развитію этих качеств заключается, по нашему мнѣнію, главное утилитарное значеніе террористической дѣятельности революціонной партіи, которая взяла в свои руки мечь справедливости и потрясает так, что колеблются гнилыя связи государства и владыки его, повергнутые в ужас и трепет, летят с своих пьедесталов величія и недосягаемости. Всякій террористическій факт, явившійся результатом дѣятельности партіи, есть прежде всего акт защиты попранных прав человѣка и гражданина. Но для жизненности и энергіи правового чувства дѣйствіе это тоже, что обмѣн веществ для организма, тоже, что приток свѣжаго воздуха для пламени: если правовое чувство бездѣйствует, оно ослабляется, становится тупо и вяло, наконец заглохнет совершенно, человѣк начинает относиться равнодушно к обидам и оскорбленіям, которыя наносятся его личности, привыкает терпѣливо сносить произвол и насиліе над своими правами. На сколько благотворно вліяет примѣр подобнаго метода дѣйствій, предоставляем судить читателю.

Раньше мы указали на центральное положеніе, которое занимает личность монарха в системѣ наших государственных и имущественных отношеній. В силу этого положенія он волей-неволей является в глазах всѣх классов народа русскаго лицом, отвѣтственным за всѣ соціальные факты, так или иначе затрогивающіе интересы этих классов. Всѣ прилагают свои старанія

к тому, чтобы снискать себѣ царскую защиту и покровительство, свои стремленія они окутывают покровом царскаго имени, всѣ они предъявляют извѣстныя требованія (хотя бы идеально или в формѣ всеподданнѣйших прошеній) самодержавному монарху и реализацію своих надежд ставят в зависимость от его верховной воли. Послѣднее имѣет особенное значеніе в отношеніи народа или, по крайней мѣрѣ, большей его части. Идея царизма еще довольно крѣпко сидит в головѣ крестьянина. Русскій народ, в тѣсном смыслѣ этого слова, пруірочивает к личности царя свои помыслы и упованія на лучшее будущее, на нем концентрирует он свои надежды и упованія чернаго передѣла, слушнаго часа и настоящей, заправской воли. В сознаніи народа царь является какою то священною личностью божественнаго происхожденія, это какое-то всемогущее существо, окруженное мистическим ореолом, способное служить источником жизни и счастья. Идея царизма сложилась в нашем народѣ под вліяніем цѣлой массы жизненных условій; она есть результат цѣлаго періода нашей исторіи. Ее невозможно поэтому устранить одним словом, одной устной пропагандой. Вѣковой предразсудок может быть разбит только великими событіями. 1 марта настоящаго года не прошло ни для кого безслѣдно, так или иначе оно оставило слѣд в сознаніи каждаго, оно всѣх пробудило от спячки, дало могучій толчек для общественной мысли и чувства. Оно не могло не заставить всѣх постараться отнестись болѣе сознательно к своему положенію, попытаться опредѣлить свои отношенія к государственной власти. Но этим самым нанесен непоправимый удар идеѣ царизма и всей системѣ соціальной и политической, на знамени которой красуется монархизм. Революціонная партія не должна смущаться тѣм, что за низвергнутым Перуном нѣкоторое время бѣгут невежественныя толпы поклонников с тщетными воплями: «выдыбай боже»! Они сами скоро излечатся от фанатической вѣры в божественность своего идола. Настоящій строй жизни до такой степени несостоятелен в цѣлом и во всѣх своих частях, что может держаться лишь при повальной умственной спячкѣ народа. Но раз пробудилась критика мысли невозможно сомнѣваться, что ея результатом бу- смертный приговор всему существующему порядку.

Сколько ни говорилось в нашей литературѣ особенно революціонной, о ничтожном значеніи реформы 19 февраля 1861 г.,

все это справедливо только относительно степени матерьальнаго благосостоянія крестьян. Что же касается до сферы личной свободы человѣка, то, нѣт сомнѣнія, она расширилась. Никто не станет утверждать, что наш народ равнодушен к этой сторонѣ своего существованія. По нашему мнѣнію, он ставит положеніе вещей, созданное 19 февраля, на столько выше крепостнаго порядка, что возвращеніе к старому режиму было бы вѣрнѣйшим средством вызвать всеобщее возстаніе. Далѣе слѣдует принять в разсчет и то обстоятельство, что народ видѣл и до сих пор видит в реформѣ 19 февр. сильнѣйшее искаженіе «барами» истинных намѣреній Александра II. Разсматривая еще вліяніе нѣкоторых других реформ прошлаго царствованія, мы приходим к убѣжденію, что Александр II в отношеніи идеи царизма представлял несравненно большее сопротивленіе, чѣм какое мог оказть всякій его преемник. Эти апріорныя соображенія вполнѣ подтверждаются прямым наблюденіем настоящаго настроеніе крестьян и их отношенія к Александру III. В самом дѣлѣ, послѣдній является для крестьян человѣком совершенно новым, не имѣющим никакого прошлаго, его личная репутація в момент вступленія на престол равнялась нулю, он не имѣл никаких особенных данных на уважеіе и снисходительность народа. Нам приходилось слышать относительно весьма многих мѣстностей в разных концах Россіи, что крестьяне и при столкновеніи с властями и в частных разговорах дѣлали заявленія в том смыслѣ, что не стало уже защитника и благодѣтеля, убили его господа, а нынѣшній царь—господами посажен, их руку держит, на него нечего надѣяться. Таким образом оказывается, что вмѣстѣ с Александром II ушла в могилу и значительная часть силы и прочности идеи царизма.

Факт анти-еврейских безпорядков, возникших вскорѣ послѣ 1 марта и быстро охвативших весь юг, подтверждает вашу мысль о воздѣйствіи на народ послѣдняго акта революціонной борьбы. Дѣло в том, что событіе 1 марта производит такое потрясающее впечатлѣн е, приводит человѣка в такое состояніе, при котором каждое скрытое, таившееся до поры до времени движеніе души рвется наружу, требует реализаціи, уже соотвѣтственно своему собственному характеру, своим собственным цѣлям. Конечно, факт безпорядков был возможен лишь при наличіи извѣстной совокупности условій исторической и современной жизни мѣстнаго населенія. Но несомнѣнно, что 1-му марта принадлежит своя доля участія в порожденіи этих безпорядков.

Можно далѣе указать еще на нѣкоторые другіе факты, анализ которых еще болѣе подтверждает высказанныя только что соображенія. Напримѣр, безпорядки, имѣвшіе мѣсто в Весьегонском уѣздѣ Тверской губерніи, гдѣ становой и урядник подверглись преслѣдованію со стороны нарора, обвинявшаго их в цареубійствѣ, многіе случаи отказа от присяги из опасенія попасть в новую [8] крѣпость и так д. Другіе виды революціонной дѣятельности, как-то пропагаторская и организаціонная, получают свое настоящее значеніе и ведутся с наибольшим успѣхом в моменты, непосредственно слѣдующіе за крупными террористическими фактами. Партія должна усилснно пользоваться тѣм исключительным агитаціонным состояніем, которое возникает в каждой общественной сред за такими дѣйствіями партіи. Гораздо труднѣе и медленнѣе совершается работа партіи в моменты полнаго политическаго штиля, когда ей приходится преодолѣвать большое сопротивленіе со стороны абсолютнаго индеферентизма. Самый террористическій факт утрачивает значительную часть своей силы и цѣнности, если не приложены усилія к тому, чтобы освѣтить его надлежащей идеей и утилизировать его для популяризаціи знамени партіи. Цѣлостная и систематическая работа партіи является лишь в том случаѣ, когда всѣ три рода дѣятельности практикуются параллельно и взаимно дополняют друг друга. Наилучшая экономизація силы состоит, по нашему мнѣнію, в раціональном распредѣленіи сил партіи между тремя видами революціонной дѣятельности: пропагаторской, организаціонной и чисто боевой.

Кромѣ того, террор, изобличая всю несостоятельность нашего допотопнаго, азіатскаго государства, тѣм самым ускоряет паденіе у нас неограниченнаго монархизма, приближает момент установленія болѣе совершенных форм политической жизни, нѣкоторую полезнотть которых вряд ли возможно отрицать.

Политика всякаго правительства, а особенно нашего, оказывает всегда вліяніе на матеріальное благосостояніе народа. Внесеніе правового элемента в систему наших государственных

отношеній, ослабленіе полицейской опеки и административнаго произвола, большая упорядоченность и справедливость податной системы, расширеніе гласности, свободы печати, независимости судей—все это, сопряженное с конституціонным порядком, несомнѣнно затруднит наглое «хищеніе», которое совершается у нас безпрепятственно во мракѣ абсолютизма, в душной атмосферѣ его произвола. Исторія Англіи и Франціи дает нам слишком ясныя и неопровержимыя доказательства того, что политическая свобода является атмосферой, благопріятной для развитія буржуазіи лишь с того момента, когда эта послѣдняя уже достаточно развилась и окрѣпла. Так назыв. первоначальное накопленіе в сущности состояло в непосредственном грабежѣ общинных земель, народнаго имущества и труда в формѣ произвольных поборов, налогов, взяток и проч. и проч. Ничто не может болѣе благопріятствоваь нарожденію и развитію всякаго кулачества и хищничества, как политика, практикуемая нашими монархами.

Но вліяіе конституціоннаго режима не ограничивается областью экономических отношеній. При представительном правленіи, как бы исключительно оно ни было, когда общественное мнѣніе получит возможность фактически проявлять себя, с'организуются различныя партіи, зачатки которых существуют уже и в настоящее время. Каждая партія выступит с своей программой обновленія нашего государственнаго порядка, будет стараться провести своего кандидата в парламент и поэтому явится необходимость во всевозможнаго рода партійных собраніях, митингах, избирательной агитаціи и т. д., что, понятно, не может не подѣйствовать благотворно, как на общество, так и на массу; это послужит им школой для выработки политической дальнозоркости и смысла, которая образует современем из «мирных обывателей» граждан. Нам могут возразить, что народ крайне индифферентно относится к своим политическим правам, что он за ведро водки подаст свои голоса за любого кандидата, что, одним словом, с парламентом случится та-же исторія, как и с земствами. Все это совершенно справедливо, но только на первое время. Вѣдь только одна Минерва во всеоружіи вышла из головы Юпитера, в обыкновенной-же жизни гражданское чувство вырабатывается далеко не сразу, но тѣм не менѣе, оно

таким путем всетаки выработывается. Когда, напр., в Англіи в 1456 г. впервые были призваны в Королевскій Совѣт представители от городов и деревень, то народ прислал цѣлую массу всеподданнѣйших адресов и заявленій с просьбой избавить его от такой обязанности. Теперь же, мы полагаем, в Англіи не найдется и одного человѣка, который добровольно отказался бы от своих избирательных прав.

Теперешняя «травля» соціалистов также должна будет до нѣкоторой степени смягчиться. Понятно, что партія не может разсчитывать на благодушное отношеніе к себѣ конституціоннаго правительства, она слишком зарекомендовала себя врагом всякаго государственнаго порядка, основаннаго на эксплоатаціи трудящихся масс, тѣм не менѣе, ссылка в Сибирь на поселеніе и на каторгу за какую нибудь брошюру или прокламацію, при разбирательствѣ политических дѣл обыкновенным судом присяжных, станет очевидно невозможной. Сфера дѣятельности партіи, ея внѣшнія условія также сдѣлаются болѣе благопріятными для нас.

Быть может нѣкоторые из наших молодых друзей обзовут нас постепеновцами, но это будет вполнѣ не вѣрно. Признать нѣкоторую долю пользы за конституціонным порядком, и выставлять его, как ближайшую цѣль партіи,—двѣ вещи совершенно различныя.

ПИСЬМО С ЮГА.

Товарищи! Сообщу вам сначала кое что спеціально по поводу анти-еврейских безпорядков. Сколько ни приходилось мнѣ распрашивать крестьян о причинах их ожесточенія против евреев, я никогда не слыхал, чтобы выставляли на вид их національность, вѣру и т. п. напротив, они постоянно твердили одно и тоже: «от жидов нам житья нѣт, они забрали в свои руки землю, хлѣб на корню скупают, кабаки держать и т. д.» Таким образом, основой народнаго протеста против евреев является «нещадная» эксплоатація народных масс послѣдними. Но, тѣм не менѣе, весьма легко можно подмѣтить и другой мотив народнаго недовольства, именно, традиціонную ненависть мужика к жиду, которая

об'ясняется в значительной степени исключительным положеніем еврейскаго населенія в нашем государствѣ. Когда, напр., я замѣчал мужикам, что земля-то, главным образом, находится в руках у панов, что они поэтому и являются самыми заклятыми врагами народа, то мнѣ нерѣдко приходилось слышать: «Когда пан над тобою властвует это еще не так обидно, а то жид!» Вообще против панов нѣт такого сильнаго личного озлобленія, как против евреев, хотя, понятно, и первых крестьянин далеко не жалует. «Нам только бы с жидами справиться, а там и за панов примемся», говорит он. Народ, как мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію к своим врагам. На первом планѣ является у него кулак-иновѣрец, далѣе кулак православный, но из чуждой народу среды—барин и, наконец то уже слѣдуют гг. Разуваемы и Колупаевы, т. е., свой же брат кулак. Этим только и можно об'яснить, по моему мнѣнію, почему народное недовольство вылилось именно в форму противо-еврейскаго движенія, а не какого иного. В силу этого я лично считаю еврейскій разгром прелюдіей к болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію.

По мѣрѣ того, как доходили до наших мѣст различные слухи об еврейских разгромах в других мѣстностях, народное возбужденіе возростало и возростало; по временам мнѣ казалось, что вот-вот и начнется у нас погром... Но его не было. Почему же?

«Нема крайняго» говорили мнѣ мужики по поводу этого, т. е., нѣт[9]такого человѣка, который подал бы иниціативу движенія. При этом они обыкновенно печаловались, что их забыли, что никто из их «посторонних», «соціалистов» не пріѣзжает к ним чтобы, «начать». Этот слух о соціалистах, как иниціаторах, разгромов, благодаря исключительно усиленной агитаціи самих евреев, крайне упорно держится в народѣ. И так «нема крайняго». Я этим ни мало не желаю утверждать, что народ так-таки и не способен выдвинуть из своей среды иниціаторов, так как мнѣ извѣстны, напр., факты, что наиболѣе энергичные из крестьян сосѣдних деревень, узнавши о разгромѣ в Кіевѣ, отправились туда с цѣлью разузнать, как все это дѣлается. Я лично был в одной из таких деревень и на мой вопрос, почему у них не бьют жидов, мнѣ отвѣтили: «а вот придет из Кіева Павло,

тогда и начнем», новизна подобнаго движенія для крестьян, отсутсвіе среди них организаціи, которая и не могла так скоро создаться—достаточно об'ясняют этот недостаток иниціативы. Отношенія крестьян к войскам, присылаемым для усмиренія, весьма враждебны; почти вездѣ слышишь, что солдаты подкуплены жидами и что поэтому церемониться с ними также не стоит. Народное возбужденіе, достигшее в настоящее время небывалых прежде размѣров, поддерживается и усиливается грамадным количеством самых разнообразных слухов, толков, которые с замѣчательной быстротой разгуливают по деревням (в нашей мѣстности крестьяне узнали о событіи 1-го марта раньше мѣстных властей и помѣщиков). Уяснить себѣ болѣе или менѣе основательно причины такой интенсивности народнаго возбужденія, по не имѣнію положительных данных совсѣм невозможно. Остаются теоретическія соображенія, кое-какія догадки, которыя и заставляют думать, что факт 1-го марта имѣет тут нѣкоторое значеніе, что он послужил той «капелькой», которая переполнила сосуд и заставила народное недовольство вылиться в извѣстныя внѣшнія формы. Всѣ деревенскіе толки и слухи, по своему обыкновенію, вертятся на самом интересном для крестьян предметѣ, черном передѣлѣ, слушном часѣ. Ожиданія послѣдняго настолько напряжены, что мужики поч. совс. отказываются от купли, аренды земель; они боятся, чтобы деньги не пропали даром. «Деньги ты теперь отдашь, а осенью все равно отберут—дѣлить будут» говорят мужики. Переселенія крестьян из нашей мѣстности за Кубань и в другія мѣста, усиливавшееся было за послѣднее время, замѣтно пріостановилось с началом еврейских безпорядков; даже успѣвшіе уже приписаться к кубанским казачьим обществам, стало быть истратившіе не малую толику денег, и тѣ теперь остаются дома. «И тут у нас будут слободы» говорят они. Сосѣдняя с нашей волость отказалась по случаю имѣющагося скоро произойти чернаго передѣла платить какіе бы то ни было подати. Исправнику удалось убѣдить их не отказываться совершенно от платежа податей, но только под тѣм условіем, что подати будут взыскиваться с нее уже послѣ всеобщго раздѣла земель. В нѣкоторых селах разсказывают, что сами видѣли царя, который раз'ѣзжает по деревням и приказывает дѣлить землю,

Еврейскій разгром народная мысль также приводит в связь с своим страстным ожиданіем чернаго передѣла.

По мнѣнію многих, послѣ изгнанія евреев (одни предполагают выселить их на Амур, другіе в египетскую губернію, болѣе крайніе просто потопить в Днѣпрѣ,) царь прикажет дѣкить между мужиками всю землю. Другіе заявляют, что «царь утик» и потому они сами должны справляться со всѣми своими дѣлами. Кстати, нѣсколько слов о царѣ вообще. Из своих наблюденій над описываемой мѣстностью за послѣднія нѣсколько лѣт я вынес глубокое убѣжденіе, что отношенія крестьян к царю начинают замѣтно измѣняться. Прежде всего обращает на себя вниманіе тот полнѣйшій индифферентизм к его личности, с которым крестьяне распрашивают вас, напр., о фактѣ 1 Марта. По большей части спрашивают о самом фактѣ, об его обстановкѣ и проч., рѣдко услышишь сожалѣніе о постигшей царя участи и проклятіе его убійцам. На вопрос о том, каков то будет новый царь, иногда можешь услышать ироническую поговорку «булоб корыто, а свинья буде.» Почти вездѣ вам сообщают, что в волость были присланы какія-то грамоты и что волостное начальство тотчас же передало их становому. Но, на ряду с этими злополучными грамотами, были и дошедшія по своему назначенію. Так мнѣ разсказывали, что недалеко от нас одна бѣдная вдова получила из Питера «золотую грамоту.» Для прочтенія она снесла ее на базар, гдѣ нашедшійся в толпѣ грамотей и прочел ее во всеуслышаніе. Доподлинно привожу, что вынесли из нея мужики. В ней говорится, разсказывали они мнѣ, что «ни от кого нам не слѣдует ждать помощи, а самим забирать землю, так как паны взяли себѣ всѣ лучшія земли, а мужикам дали по одной ступнѣ». «Хіба не правда? Так оно іі есть!» добавляли они. Содержаніе этой грамоты было извѣстно, по крайней мѣрѣ в трех сосѣдних волостях. На мой вопрос от кого получены эти грамоты, нѣкоторые говорили, что от соціалистов, (это слово со времени еврейских разгромов начинает входить в употребленіе в деревнѣ) и при этом спрашивали меня: «скоро ли они будут дѣлить между мужиками землю». Но у многих подобная грамота странным образом вязалась с мыслью, что она прислана от царя. Это подтверждается по их мнѣнію, тѣм обстоятельством, что начальство тотчас же отбирает грамоты от мужиков, хочет скрыть царскій указ.

Иные говорят, что соціалисты—царскіе посланцы, что их то царь и послал с грамотами по деревням. Вообще прокламаціи кое-какіе результаты принесли. В нѣкоторых мѣстах я слышал разсказы о том, что по деревням ходят соціалисты. Придет в хату, разсказывают, разспрашивает сколько земли, скота и проч., запишет все в книжечку и уйдет. В книжечку записывает для того, чтобы знать сколько кому нужно будет земли дать. Но на ряду с благопріятными для нас слухами, ходят и иные; можно услышать, что соціалисты царя убили, а теперь всѣх нас перебьют».

Из всего хаоса разнообразных мнѣній можно сдѣлать только одно, хотя довольно общее, но несомнѣнно вѣрное заключеніе, что существовавшая прежде непоколебимая вѣра в царя начинает подрываться новыми идейными теченіями, которыя с непреодолимой силой врываются в мужицкое міросозерцаніе. Понятно, что я говорю это по отношенію к Малороссіи. Предсказать исход этого умственнаго процесса, даже рѣзко намѣтить путь, по которому он пойдет, по мнѣнію большого числа фактов совершенно не возможно. По моему мнѣнію было бы слишком поспѣшно заключить, что народное міросозерцаніе измѣняется в том напрвленіи, что вѣра в царя начинает переноситься на группы соціалистов. Фактов подтверждающих этот вывод настолько же недостаточно, на сколько и для иного вывода, именно, что вѣра с царя народ переносит на самаго себя. Эти надежды народа на «соціалиств» об'язаны своим существованіем исключительно благодаря усиленной агитаціи евреев, что безпорядки произведены соціалистами. Мужик сляшит, что о соціалистах говорят, как о значительной силѣ, какова она, враждебна для него или нѣт он доподлинно не знает, и вот по своей упорной привычкѣ видѣть во всякой неизвѣстной ему силѣ—силу благодѣтельную для него они переносит свои упованія на соціалистов. Не смотря на то, что эта вѣра также слѣпа и безпричинна, как и вѣра в царя, что это только предлог, за который схватывается народная мысль в виду своего безвыходнаго положенія, во всяком случаѣ это значительный шаг впер ед. Так или иначе, народная мысль видит уже в соціалистѣ своего защитника, а это для чисто практических цѣлей в деревнѣ—вещь весьма важная.

Прокопенко.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Наблюдателю деревенской жизни, не живущему постоянно или, по крайней мѣрѣ, по-долгу в одной и той-же мѣстности и не связанному чѣм-либо с ея интересами, крайне трудно в настоящее время подмѣтить наиболѣе характерныя и распространенныя черты народнаго настроенія. Губернская и уѣздная администрація явными поощреніями доносов, хотя бы и совершенно неосновательных, арестами без разбора и систематическими выслѣживаніями, *) сдѣлали крестьянина на столько подозрительным, что во всяком собесѣдникѣ, заводящем с ним разговоры о злобѣ дня, он готов видѣть злой язык. В В—ой губерніи в крайне небольшой промежуток времени, в одном только уѣздѣ было арестовано нѣсколько лиц за откровенную бесѣду с «милым человѣком» или за красное словцо «его величеству» (в числѣ послѣдних был между прочим солдат). Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало из крестьян таких конспираторов, что и нам в пору у них поучиться.

Мнѣ, жившему нынѣшнее лѣто в деревнѣ N—ской губ. в шкурѣ интеллигентнаго питерца, только благо[10]даря крайне благопріятно сложившимся для меня условіям, удалось сойтись на пріятельскую ногу кое с кѣм из мѣстных крестьян. С одним из них Ф., служившим в батраках у помѣщика, мнѣ приходилось довольно часто бесѣдовать по душѣ. Мужик он был семейный, лѣт под сорок, не бывавшій нигдѣ дальше своего губернскаго города.

Одну из таких бесѣд, дающую болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о теперешних ожиданіях и намереніях крестьянства, я и помѣщаю на страницах «Чер. Пер.» **)

*) Я жил в деревнѣ, куда пріѣзжали двое переодѣтых жандармов, ходивших по вечерам подслушивать под окнами изб, что стало, само собою разумѣется, не без'извѣстным крестьянам.

**) Пишу корреспонденцію тѣм самым языком, который в употребленіи у мѣстных крестьян. дѣло в том, что еще до Положенія один из прежних помѣщиков той деревни, о которой идет рѣчь, переселил часть крестьян из N. губ. в Великороссію, а из Великороссіи—в N. губ. Это дѣлалось им, как он об'яснял для улучшенія породы, в силу чего малороссійскій язык утратил здѣсь свой первоначальный характер и заимствовал массу слов и выраженій у «кацапов».

Как-то вечером встрѣтил я Ф. один на один, возвращающагося с поля и по обыкновенію клянущаго свою судьбу. Чтобы завязать разговор, я спросил его:

— С чого се ви робыте на пана, а не на свій двір?

— Эге! Хиба се я роблю? Ни! Се нужда моя робить, як бы не вона проклятая, я бы зроду ні до кого у наймити не пішов, хоть міні два ста карбованців у літо давай. Земли нема у мене совсім тилько й е що всадьба, с того пійдешь не то що у наймити, а й на шлях с сакирой.

— А богато у вас у селі беззмельных?

— Душ двадцать пять йе, а може и більше, да от як: по ревизким сказкам йу нас считали 64 души, по дві десьятини у руку. Се скилько буде?

— Без трошечки 400 десьятини.

— От, бачьте! А таперечко нас усіх більш 100 душ йе,— четырех десьятин на душу нема, тай ще не у всіх по ровну. У другого вже писля тей самой ревизіи пьять синків мужиками стали, а по них наділу нема, бо наділяли тілько того, кто на пана робил. А батькі синки, що зіріньки на небі уси ровни усих требо наділити; от, и дробить він дві дисьятинци у полі на пьять шматочків чи більшь. А с сего шматочка треба душку ймати, щоб жинка тай диткі сити були, та йще повинность треба вплатити... Коли се так йще ріків с десьять буде, тилько вмерти и остаеться. Уся надіжда наша на війну.

— На яку се війну?

— Хиба ви не чули, що як учнут куроновати россейскаго царя, так зараз пруссак той китайскій царь на его вуевати пійдуть?

— А с чого-ж им вуевати? хиба им у собе нема чого робить?

— Про пруссака говорят, що він йще с давна хочет у нашого царя шматок землі одібрати, да тилько раньше сего не було можно, бо у нашого царя вельмо війско богато. А як его почнуть коруновати пійдет великая бунтація, крестьяне почнуть казенныя тай панскія земли отбирати, тай промеж себе ділити, бо більшь так жити не можно,—усяк хоче исти, а исти нема чого. От, се як почнется тея самая бунтація, нашему царю не достане війска и у себе управиться, а тут и підскоче пруссак.

Треба будет знова на него військо посилати, а мы вже тоди що схочемо то и будемо робити.

— Ну а як же-жь китайскій царь у се діло упутався?

— Эге! китайскій царь тей сувсім друге діло, тей не то що пруссак, ему россійской земли не треба, бо у него своей лишка йе. Китайскій царь нашу руку держить. Він спровѣдав, що у нас не вельмигарно живется крестьянам; що у нас висправники тай пани що схотят то з нами и робят. От се він и схотив у Рассеи як у китайской земли крестьянскую правду зробити.

— Що-сь я про сію крестьянскую правду у китаю ничего не чув? Яка вона такая, що вы йее так схотили?

— А такая правда, що нема там ні яких ні панів, ні чіновніків—усі поровнени, усяк собі пан, у всякаго земля йе, кто скилько сам робити може. На усімі тілько йе, водин царь. Та тей царь не тее, що наш, він тилько и в думкі ймае, що як бы его крестьянам гарненько жилося.

— А що? чи его громадою ставят на царство, чи ему після батька царствувати досталось, а після его сын буде?

— От сего мы вже доподлинно не знаемо; знаемо мы тілько, що він нас ослобонить хоче, щоб мы жіли, як наші діди,—вправлялісь своей громадою тай радою; земелькі ні у кого не позичали, хлопцов-сінів наших крівних у москали не давали. Тай вы може сами чули, як у старое время наші діди вольними козаками жили, а россейских царів и у очі не бачилі и слуху ні якого про ніх не чули, се вже після рассейскій царь нас брехней забрал. Да тілько вже годі нас мурдоваті — не тее таперечко время! От вже за жидів принялись, а тутичкі зараз и коронаціи, — китайскій царь пріде тай ночнемо тоди с нім умісті земли забірати.

— Ну, а наділяти сам він буде?

— Ні, с чого ему у сіе діло путаться, се уже ми сами поробимо.

— А як же вы сію переділку робить буедте?

— Мы вже сами про сіе діло трошки промежь собя говорили, считали по скільк прідеться на душу. Я вже вам говорил, що в нас без трошечки 400 десятин надільной землі йе, тай у пана пятьсот, тай він йще нашим богатирям 100 дес. продав, — усего буде десьять сот. От це мы й поділили усю сію землю по ровну,

так щоб усякому по пьятнадцати десятьин було, а кому недохватка виде, то у другим місті отріжимо. Земліци у нас богато. Се у нашого пана 600 десятьин було, а йе и такіи, що по пятидеся[11]ти сот и більше йе. Тілько мы им шкоды робить не будемо. От, і нашему пану, і його сынку дарма що ему усего пять ріків по пьятнадцати десятин дадімо, нехай сами робят. А то на пана, йего жинку тай сина и робить, а на собі і своіх діток вже дарма. Землицу мы поділимо мы поділимо громадою, се уже мы сговорились, тілько вот наши богатири не удумають як им після сей переділки гроши з пана взяти, которіи вони ему вплатили за тее сто десятьин, що у него купляли. Може вы знаете як их з пана взяти?

— Ні, сіи гроши вже пропали, бо пан не буде сидити у силі, як переділка почнеться. Шукай его, як вітр в полі! Тілько мені думается, що нічему сему не бувати, як ви будете китайскаго царя ждати, и до того времечка с жинкой на печі лежати. Раньше ви тоже говорили, що рассейскій царь вам волю даруе. Ну, а що? дождалися царской воли, що по селах все за повинности пугой ласкае тай вашей кровью як дробним дождиком турецку землю заливае?

— Ні, якая се воля! тілько і йе, що прежде пани нас біли тай грабили, а теперичко становіе тай висправніки тое самое робят, тай ще губернатор пріказуе у наших хлопцев стріляти за то, що вони наших кровопівц-жідів жмуть.

— От се й от китайскаго царя нічого не дождетеся бо у него свои діла йе. Тай це не буде сего ніколі, щобы царь крестьянскую руку протів панов держав, бо він сам на усіми панами пан, над усіми чіновніками чіновнік.

— От се і в нас молодшіи мужіки тай хлопци говорят, що нічего не треба ждати й от китайскаго царя; що тілько тоди й буде крестьянская правда, як сами крестьяне пійдут бунтовати, землю отбірати тай ділити тай хлопців у москали не давати.

Э! Се их діло, вони молодие люди и думають вони по новому, нехай робят, як схочут. Вони лучше нас удуамют, бо вони хоша росли й у бідности, а усежь не бачіли паньской пуги. А ми вже старие, нам треба думку ймати, щоб найти кусок де вмерти, да було-б кому сховати, а то от дід Василь нема йще ріку як вмер, а вже с того світу чоботи казуе.

От мы з вами теперечко говорим про золотое времечкв, що наши хлопцы, а мабуть т мы сами побачимо, а сами усе оглядываемось, як бы кто не учул тай не побачив; от се так було до манихвіста як мы усе царскую волю ждали. Сойдимось де у кутку тай калякаем промежь себя, а сами тілько у думкѣ ймаем що як бы пан чи ено войто не учули, бо як учуют нодет мурдуванье да такое що и кінца йему не відно. А таперича як учуют про такое каляканіе наплетут вісправнику так хуже усякаго мурдованья,— пойдут таскати у губернію тай про усе питати, та йще набрешут то, чего і не було саусим.

Выше приведенный разсказ Ф. о благодѣтельном китайском царѣ, о хищнических намѣреніях пруссаков и т. п. представляет собою вовсе не единственное явленіе. Распространенность подобнаго рода слухов настолько велика, что сама собою бросается в глаза даже самому поверхностному наблюеателю. Варьированные и комментированные на всевозможные лады слухи эти переходят из уст в уста. От кого только не приходится их слышать и ради какии только цѣлей они не передаются. Заговорит-ли земец с либеральным апломбом о неподготовленности народа к политической жизни, он не преминет сообщить с иронической улыбочкой один из приведенных фактов, как вѣрное доказательство тупости и неразвитости нашей черни. Управляющіе и прикащики, слѣдующіе во всем примѣру своих панов, пользуются этими толками, чтобы пройтись на счет сиволапаго мужика. Жиды передают как доказательство отсутствія вѣрноподдннических чувств в народѣ, и вообще ради примѣненія к нему, если возможно поголовно, какой либо статьи уложенія о наказаніяю. Что касается самаго крестьянства, нѣт никакого сомнѣнія, что значительная часть его только и живет этими слухами. Я говорю часть, потому что молоде поколѣніе, лучшіе силы деревни, довольно таки скептически относятся ко всякого рода слухам, упорно поддерживаемым стариками. Вообще первое, что бросается в глаза, это факт, находящійся внѣ всякаго сомнѣнія, что в настоящее время в деревнѣ одно на-ряду с другим живут два настроенія, хотя и имѣющія общую исходную точку, но коренным образом отличныя одно от другого, Общая исходная точка их—это вполнѣ ясно сознанная невозможность дальнѣйшаго существованія в современных условяіх, и как

прямой результат этого сознанія,—самое интенсивное исканіе выхода из них.

Скажем теперь нѣсколько слов об упомянутом различіи в настроеніях стараго и молодого поколѣній.

Старики провели лучшую пору своей жизни в ожиданіи царских милостей и водворенія правды на землѣ. 19 февраля 61-го года поднесло им горькую пилюлю не особенно даже тщательно прикрытую золотым поршком. Каким же образом реагировано это злосчастіе 19-го февраля на народное настроеніе? С одной стороны фикція дарованной свободы в значительной мѣрѣ подорвала вѣру в благодѣтельность русскаго царя, с другой старыя традиціи, вѣра в какое то внѣшнее благодѣтельное начало, вѣковая придавленность судьбою и рабьи инстинкты,—как результат крѣпостных отношеній помѣшал развиться в старом покосѣніи духу активности и сознанію собственных сил. Но во всяком случаѣ это старое поколѣніе, пережившее на своем вѣку столько невзгод и иллюзій страстно ищет выхода из отживших форм. Отсюда и слухи о благодѣтельности китайскаго царя и пруссаках, которые своими военными дѣйствіями отзовут наше войско на границу и тѣм самым облегчат дѣло борьбы народа за свои завѣтные идеалы.

[12] Всѣ эти слухи совершенно понятны: в своего царя всѣ извѣрились, идея царизма еще не разрушена, вот и появляется на сцену китайскій царь. Затѣм, в дѣлѣ поддержки существующих соціальных отношеній, народ видит единственную силу в войскѣ. Значит войско мѣшает. Является воинственный пруссак и армія уходит защищать свои границы, «а тоди ми вже що схотимо, то и будемо робити».

Ну, а что думает тѣм временем молодое поколѣніе?

Отвѣчаю словами стариков:

— Эге, вони совсім друге діло, вони не бачили паньской пуги, вони говорят, що сей вже бог старый стал, що він не знае що йему робить,—треба новаго шукати.

Вот и шукает деревенская молодежь этого новаго бога, новых средств для борьбы с окружающим злом, со всею страстью и энергіей молодости. Она слишком скептично, если даже хотите, слишком позитивно смотрит на вещи, чтобы повѣрить разным розсказням про благодѣтельность китайскаго царя и т. п. Она

ищет болѣе реальной почвы, болѣе надежных средств борьбы; и находит все у себя под руками. Самостоятельный общій крестьянскій бунт с цѣлью отобранія земель у тунеядцев и эксплуататоров и распредѣленія их на основаніях трудового начала,— вот единственное средство, помощью котораго молодое поколѣніе считает необходимым и возможным осуществить крестьянскую правду. *)

Безвыходное, ухудшающееся из года в год, экономическое положеніе народа начинает мало по малу приводить его к сознанію необходимости измѣненія настоящих порядков путем всеобщаго бунта. Анти-еврейскіе безпорядки, принявшіе в нашем уѣздѣ весьма острый характер (войска дѣйствовали так энергично, что в толпѣ оказалось нѣсколько человѣк убитых и десятки болѣе или менѣе тяжело раненых), нѣсколько усилили этот, совершающійся в настоящее время в народѣ умственный процесс.

В нашей мѣстности вѣра в царя вообще не особенно сильна и, как оказалось, была довольно тѣсно связана с личностью Александра II. Послѣ же событія 1-го марта, со вступленіем на престол новаго царя, люди, вѣрившіе прежде в царскую милость, почти совершенно потеряли эту надежду. «Нема нашого земляного бога! убили! Цей, що теперь, жидів любить, своих бье! Нам такого не треба! Ми так не хочемо! Як ему такі любі жиди що він велить бить своіх же христіян, то и нихай же живе з своіми жидами, нихай царствуе з ними! Або ми, або жиди», говорят такіе люди теперь.

Но жизнь сдѣлала свое дѣло и теперь всегда возможно встрѣтить в деревнѣ таких людей, которые совершенно покончили с идеей царизма, пришли к сознанію, что ждать нечего, самим нужно раздобыть себѣ настоящую волю. Привожу свой разговор с крестьянином по поводу «злобы дня».

— Що воно дальше буде? А вже в народѣ ходить така чутка, що так не можно дальше жить. Що він за царь, що він не хоче

*) Прошу читателей не забывать, что мои послѣднія слова относятся только к извѣстному району мѣстности.

помогти своім людям! Чи він з жидами знаетця! чи що? Як би всім піднятця, то тедіб мабуть діло вишло!

Это, так сказать, два крайних направленія; одни еще не совсѣм покончили с отрицательной стороной дѣла, а другіе уже предлагают извѣстный, положительный выход из теперешняго положенія. Большинство же высказывается нѣсколько иначе, оно все-таки еще надѣется на царя, хотя далеко не так слѣпо как прежде; оно уже ставит опредѣленные сроки, послѣ которых ждать больше не слѣдует, наконец, считают нужным предупредить царя, довести до его свѣденія о положеніи крестьян вообще. «Тут не в цім діло! Тут треба послать царю бумагу, нихай висилить жидів; або жидів, або нас!» «Що це у нас робитця! За то що нас обирають, нас ще й бьють! Треба послать царю, нихай устранить жидів, а то що се він за царь!...»

Один крестьянин, возвращавшійся вмѣстѣ со мной с мѣста разгрома (туда пришло порядочно крестьян из сосѣдних деревень, «затім, говорят они, що може й нам пригодитця»). говорил мнѣ: «Нѣт! Мы раздѣлаемо жидів не так! Мы не будем так! Коли вже пішло на то, що наших убивають, то ми у тіх проклятіх москалів пооднимаемо ружжя тай будем собі бить! Побачімо нія візьме! Треба подождати до корования, може чі не буде чого, да тоді вже піднятця!»

Недоля.

9 августа.

В пользу «Чернаго Передѣла» цолучено:

От помѣщика—500 р.; от естественника—100 р.; от офицеров—192 р.; от сибиряка—150.; от Р.—100 р.; от Х.—10 р.; от С.—80 р.; от товарища—25 р.; от икс, игрек, зет—150 р.; от соколят—150 р.; от народника—500 р.; от Б.—60 р.; от Н. К.—100 р.; от П. Л.—15 р.; от монгола—1 р.; от сочувствуюших—5 р.; от сочувствующей—2 р.; от Харона—1 р.; от К. П.—3 р.; через Н.—5 р.; через П.—6 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Роль и значеніе народа в момент соціальной революціи.—1-ое марта 1881 г.—Письмо с юга.—Из деревни.—

С.-Петербург, 19 сентября 1881 г.—Типографія Общ. «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ».